

УДК 321.7

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-191-194

Мартынов М.Ю.*Сургутский государственный университет***КОНЦЕПТ ДЕМОКРАТИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК**

Аннотация. Рассматриваются методологические проблемы преподавания концепта демократии в курсе политологии. Высказывается предположение, что изложение теории демократии недостаточно учитывает внешние условия, необходимые для существования данного политического режима. Достижение этих условий предполагает постоянное использование силы демократическими государствами. Об этом свидетельствует развитие системы международных отношений после распада СССР, последним этапом которого стал кризис в Украине.

Ключевые слова: политология, демократия, политический реализм.

M. Martynov*Surgut State University***CONCEPT OF DEMOCRACY IN POLITICAL SCIENCE TEACHING**

Abstract. The article touches upon some methodological problems of teaching the concept of democracy in political science. It is suggested that the representation of the theory of democracy does not fully take into consideration the external conditions necessary for the existence of this political regime. Achievement of these conditions constantly involves the use of force by democratic states. The International relations system development after the collapse of the USSR, with the Ukrainian crisis being the last stage, testifies the statement.

Key words: political science, democracy, political regime.

Идеологическая «нагруженность» политической науки, став в свое время одной из причин относительного позднего выделения ее в самостоятельную дисциплину, и в дальнейшем оставалась, в некотором смысле, «родовой травмой», время от времени омрачающей дальнейшее ее развитие. И никакая другая проблема не вызывала столько дискуссий, сколько тема демократии и демократического транзита. Собственно, споры шли не о сущности демократии или ее преимуществах. Пожалуй, за известными исключения-

ми, все и во все времена соглашались с тем, что именно этот режим, при всех своих недостатках, является наилучшей формой государственного устройства. Дискуссии начинались при переходе от теоретического обоснования этого тезиса к вопросу о том, как демократические идеалы соотносятся с политической практикой конкретных государств.

Собственно, для создателей современной политической науки в лице американских авторов этого вопроса никогда не стояло. С их точки зрения, в полной мере эти идеалы были реализо-

ваны лишь в странах западного мира. Р. Даль отвергает претензии авторитарных лидеров, «которые утверждают порой, что их режим представляет собой некий особый вид демократии, превосходящий все прочие» [1, с. 99]. Для американских авторов, о чем бы они не писали, что бы ни анализировали, США всегда остаются идеальным типом.

Соответственно, дальнейшее изложение тем в рамках преподавания политологии превращается в апологию не столько демократии как таковой, сколько политической системы США и западных государств. Ее трактовка, в том числе в отечественных учебных пособиях, приобретает однозначно позитивный характер, в то время как описание политических режимов в других странах, особенно оппонировавших Западу, например СССР, образуют негативный нарратив в виде «тоталитарной системы», «преследования инакомыслящих», «политической цензуры» и пр. [3, с. 122–123]. Аналогичная тенденция прослеживается в изложении и остальных политологических тем, будь то политическая культура или проблемы модернизации.

В этом не было бы ничего предосудительного, если бы политическая практика западных государств действительно совпадала с демократическими идеалами. Однако существует немало исследований, свидетельствующих об отсутствии этого совпадения, что, например, «американская система государственного управления чаще представляет интересы привилегированного меньшинства, чем общества в целом, и что система выборов и деятельность политических партий являются недостаточными средствами

защиты от влияния богатых корпораций» [2, с. 14].

В советских вузах, в свое время, изучалась дисциплина «научный коммунизм», описывающая черты идеального общественного устройства на социалистических началах, но при этом настаивающая, что эти черты реализованы в реальной практике социалистических государств. Сегодняшняя политология – аналог тогдашней дисциплины, своего рода, «научный либерализм», описывающий идеальное демократическое устройство, но по той же идеологической прихоти настаивающий на его реальном воплощении в практике западных государств. Преподавание же политологии в этом случае превращается в апологию политического устройства другого государства и критику своего собственного.

Так, в западной политической мысли уже несколько десятилетий развивается кантовская мысль, повторяемая, кстати, и в отечественных учебниках, что «современные представительные демократии друг с другом не воюют». «В период с 1945-го по 1989 г. произошло 34 международных вооруженных конфликта, но при этом не было ни одного, который возник бы между демократическими странами <...> Причины этого не вполне ясны. Может быть, благодаря высокому уровню развития международной торговли эти государства предпочитают поддерживать друг с другом союзнические отношения, а не воевать. Но верно также и то, что граждане демократических стран и их лидеры овладели искусством компромисса. Кроме того, граждане государств со сходным политическим строем не внушают им угрозы, они склонны относиться к ним с довери-

ем и видеть в них себе подобных» [1, с. 59–60], – поясняет Р. Даль причины этого. Однако следует отметить, что в этот период не было вооруженных конфликтов и между странами социалистического лагеря. Очевидно, объяснение отсутствия конфликтности в обоих случаях лежало не в неких особых качествах, имманентно присущих демократическому или социалистическому режиму, а в банальных союзнических отношениях.

Методологическое лукавство заключается здесь в приеме рассмотрения демократического устройства как феномена, изолированного от внешней среды. Так, Р. Даль, описывая становление демократии на примерах Средиземноморья (Греция, Рим, Италия), Северной Европы (норвежские викинги) и современной Европы, называет только имманентные процессуальные и институциональные условия [1, с. 16–30]. Но каковы внешние, обеспечивающие эти условия, факторы? Возможна ли была демократия в Средиземноморье без рабства? Нет ли связи между демократическими обычаями викингов и их разрушительными набегами? Возникла бы современная демократическая Европа без превращения остального мира в свою колонию в XVII–XVIII вв.? Как вообще получилось, что в истории человечества самыми агрессивными государствами явились именно демократические? В древности таковым была Римская республика. В Новое время как раз демократически устроенные западные страны превратили остальной мир в свои колонии. Именно из их противоречий возникли затем Первая и Вторая мировые войны. И сегодня, как видим, самым миролюбивым государством

является авторитарный Китай, в то время как демократические страны, образующие НАТО, участвуют в конфликтах по всему миру.

И это не случайно, ведь действительно демократическими политические режимы бывают относительно недолгий период, – например, это период классической Греции или эпоха буржуазных революций в Европе, – имея тенденцию перерождаться в охлократию. В охлократической политической системе власть, находясь под давлением граждан, требующих преференций и социального обеспечения, может обеспечить это только за счет эксплуатации ресурсов других стран.

В советское время дисциплина «научный коммунизм» была одной из самых нелюбимых студентами. Но отнюдь не из-за предвзятого отношения к социализму, как сегодня может показаться. Неприятие вызывало утверждение, что его принципы реализованы на практике в СССР. Сегодня изучающие политологию студенты сталкиваются с подобным лицемерием, когда в качестве примеров самых демократических и миролюбивых государств приводят западные страны. Стоит ли удивляться скептическому отношению к дисциплине?

Можно, безусловно, согласиться с мнением А.С. Федотова, что за последние годы «были широко введены в научный оборот новые категории и понятия, которые отражали, несмотря на свою так называемую универсальность, в первую очередь социокультурную реальность западных стран. Другими словами, вновь введенные понятия описывали совершенно иной вид реальности, и однозначно не российской» [4, с. 120].

Необходимо избавить преподавание политологии от идеологических наслоений. В свое время, – в период Перестройки – мы перестали отождествлять коммунистический и социалистический идеал с практикой строительства социализма в СССР. Теперь нужно сделать следующий шаг – перестать отождествлять с политической практикой Запада демократический идеал.

Как это сделать методически? Взять пример с преподавания философии. В свое время оно столкнулось с такой же проблемой. При попытках изложить философию как систему содержательных выводов, она превращалась в набор абстрактных и банальных истин. Решают сегодня проблему философы простым путем – излагают философию как историю философии. Как историю вечной дискуссии вокруг вечных проблем.

По этому пути можно пойти и политологии. Излагать теорию политики как историю политических учений. В каком-то радикальном варианте ту часть теории политики, которая имеет оценочный характер, излагать в рамках истории современных политических учений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под. ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект-пресс, 2000. 208 с.
2. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. /Пер. с 7-го англ. издания В.Горбатко. М.: Поколение, 2006. 416 с.
3. Теория политики: Учебное пособие. / Под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
4. Федотов А.С. «Детская болезнь» российского обществоведения // Власть, 2014. № 7. С. 119–125.